

УДК 94(47).043+32.019.51

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.33.34>

Иван Грозный – первый публицист и политтехнолог на московском престоле*

С. А. Чернышов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация*

Аннотация. Проводится анализ коммуникационных практик центральной власти периода правления Ивана Грозного через призму методологии «прагматической ситуации» и актуальных представлений о технологиях политической коммуникации. Анализируются социально-политический контекст, система мировоззрения Ивана Грозного как публициста, динамика политической мысли в Русском государстве рассматриваемого периода. Делается вывод, что центральная власть, используя технологии публичных коммуникаций, добивается ряда прагматических политических задач, связанных с легитимизацией русской государственности и формированием общего символического языка в условиях складывания единого политического организма.

Ключевые слова: Иван Грозный, Русское государство, Московское царство, политические коммуникации, дипломатическая переписка, публицистика.

Для цитирования: Чернышов С. А. Иван Грозный – первый публицист и политтехнолог на московском престоле // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 34–49. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.33.34>

Введение. Анализ коммуникационных практик центральной власти, публицистических качеств и идеологических посылов ее сообщений не может не представлять интерес для исследователей. По существу, именно формирование стабильно транслируемого комплекса сообщений является одним из признаков развитого государства (или государства современного типа, *modern state*) [4, с. 228]. Однако именно в таком ключе публицистика и сообщения официальных коммуникаций центрального правительства рассматриваются в отечественной исторической литературе довольно редко, оставаясь одним из малоизученных междисциплинарных вопросов. Особенно ярко это утверждение иллюстрируется материалами периода становления русской государственности в промежутке XV–XVII вв. Так, известная и скрупулезно описанная филологами переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским еще Н. М. Карамзиным характеризовалась как личная, отражающая «состояние души» ее участников, царь в таком представлении – «волнуемый гневом и внутренним беспокойством совести» [11, с. 202]. Более того, проявление ее сторонами известной субъектности в интерпретации тех или иных фактов оценивается как порок и «предвзятость» [21, с. 74].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002/19.

Именно Иван Грозный одним из первых представителей высшей власти мастерски продемонстрировал возможности коммуникативной манипуляции для реализации тех или иных практических целей внутренней и внешней политики. Речь идет при этом не только об актах официальной коммуникации (скажем, переписка с иностранными государями), но и о религиозных текстах, где свобода творчества вроде как должна быть минимальной. Однако и здесь Иван Грозный показывает существенную степень свободы, вплетая в свои стихиры художественно обработанные образы верховной власти и ее отношений с подданными, а также преемственности Московского царства древним христианским державам [15, с. 167].

Целью настоящего исследования является анализ коммуникативных практик верховной власти Московского царства периода правления Ивана Грозного в контексте решения практических задач внутренней и внешней политики. Такой прием рассматривается как инновация царя, который фактически первым стал прибегать к технологии публичных политических коммуникаций для достижения практических целей. Исследование подразумевает междисциплинарный подход и предполагает ретроспективное применение наработок теории политической коммуникации для анализа массовых коммуникаций второй половины XVI в. Автор полагает возможным использовать в качестве методологической основы анализа коммуникативных практик московского правительства теорию прагматической ситуации Н. Д. Арутюновой и Н. К. Рябцевой, рассматривающих коммуникативную ситуацию в связке с системой межличностных и социальных отношений и интересов коммуницирующих сторон [9, с. 9–10]. Кроме того, в исследовании применяются теории политических коммуникаций, объясняющих ее как на микроуровне (Г. Лассуэлл, П. Лазарсфельд, Б. Берельсон, Х. Годэ, Э. Кэмпбэлл, Л. Фестингер, У. Липпман, Дж. Гербнер и др.) – через принципы информационного воздействия и закономерностей изменений политических установок на уровне индивидов, так и на макроуровне (Н. Винер, Д. Истон, Г. Алмонд и Дж. Коулман, Р.-Ж. Шварценберг и др.), где отражаются концептуальное содержание и тенденции влияния информационного взаимодействия политической системы и общества в целом [16, с. 4].

Научная новизна исследования состоит в применении междисциплинарного подхода к анализу коммуникативных практик центральной власти Русского государства периода правления Ивана Грозного, их контекста и практических историко-политических результатов. Предпринимается попытка представить материалы официальных коммуникативных практик с точки зрения теории политических коммуникаций, публицистических практик и влияния тех или иных форм массовых коммуникаций на общественно-политические процессы рассматриваемого периода. В качестве основы для анализа взяты материалы личной и публичной переписки Ивана Грозного и царского двора, официальные русские летописи, актовые материалы, грамоты и указы царя и его администрации отдельным административным органам и лицам, а также ответы или реакция на указанные акты коммуникаций со стороны внешней среды – обобщенного «общества» или конкретных адресатов.

Особенности и технологии политических коммуникаций в Средневековье и Новое время. Идея понимания политики как коммуникационной

деятельности для достижения известных результатов впервые появляется еще у Аристотеля, писавшего: «Всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага». В дальнейшем идея целенаправленного воздействия на поведение социума через содержание и интерпретацию распространяемых сообщений появляется у Н. Макиавелли [3, с. 26] и в итоге выливается в современные кибернетические представления о политических коммуникациях, предложенных в середине XX в. канадским политологом Д. Истоном и дополненных инструментальными моделями Г. Алмонда и Дж. Коулмана, а также теорией политической кибернетики К. Дойча [Там же, с. 95–96]. Говоря на языке концепции символической власти П. Бурдьё, власть через политическую коммуникацию формирует общие для индивидов культурно организованные коды, интегрированные в систему социальных взаимодействий [28, с. 15]. А символическая власть в этом смысле целенаправленно и искусственно навязывает такого рода ценности и коды.

Можно ли применять подобные подходы при анализе коммуникационных практик средневековой центральной власти Русского государства? Представляется, что на этот вопрос необходимо дать положительный ответ с учетом ряда оговорок, которые характеризуют некоторые особенности социальных коммуникаций в рассматриваемый период. Это прежде всего символичность и ритуальность коммуникации, существенная «растяженность» во времени и пространстве, а также духовная и идейная диктатура церкви [30, с. 24]. Кроме того, существенным свойством средневековой социальной реальности следует считать ее иерархичность и упорядоченность, корпоративный характер взаимодействий по сути и форме [Там же, с. 31]. В остальном же вряд ли технологическая сторона политических коммуникаций существенно отличалась от современных аналогов. Более того, если абстрагироваться от анализа развития государственности через институциональный подход, то фактором успешности крупных политических образований исследуемого периода как раз и следует считать выстраивание эффективной модели передачи необходимой информации из центра на периферию и обратно – прaosновы будущих «новоевропейских» национальных государств.

Первым инструментом или технологией политической коммуникации, конечно, следует считать мифологизацию ее в широком контексте – как трактовку действительности через космические, божественные порядки [3, с. 22]. В этом смысле политический миф в изучаемый период и позднее является механизмом адаптации общества к политической реальности [30, с. 94], и неважно, лежат ли в основе мифологием государства проработанные интеллектуальные концепции, или же аллегории и мифосюжеты. Именно отсутствие строгой проработанности и «интеллектуальный бульон» концепций власти и ее взаимодействия с обществом мы увидим в XVI–XVII вв. у авторов произведений русской политической мысли и в официальных коммуникациях.

Наконец, в целом понятны и технологии, которые применяет власть, конструируя политические коммуникационные практики. Это прежде всего использование архаических идеалов правды, лада (любовь, гармония, единение), народного «царя-батюшки», лингвистические новообразования и прочее [30, с. 102]. И, конечно, нельзя не признать, что любая коммуника-

ция подобного рода по существу является политическим манипулированием и используется для мобилизации социума, самозащиты политической системы и работы с социально-политической динамикой.

Развитие политической мысли в Русском государстве XVI в. Эпистолярное творчество Ивана Грозного в некотором смысле является «дитяем эпохи». Именно на середину и вторую половину XVI в. приходится расцвет политических дискуссий среди элит, церковных деятелей и иных мыслителей.

Это обстоятельно резко отличает рассматриваемый период от предшествующих эпох. Следует признать, что долгое время политическую коммуникацию московского правительства существенно ограничивала навязанная извне повестка дня. Так, имеются веские основания полагать, что Ивану III со стороны Священной Римской империи была навязана идея именоваться «государем Всея Руси» – для выгодного германцам конфликта с Литвой¹, идея правопреемственности Руси по отношению к Византии могла быть навязана для использования в общественном дискурсе Венецией, заинтересованной в конфликте Москвы и Османского султаната². То есть вряд ли найдется оригинальная идея, не только сформулированная силами московских чиновников, но и однозначно определяемая как практически полезная для формирующегося Русского государства.

Ситуация меняется в начале XVI в., и это отмечается прежде всего на основе анализа текстов. В качестве новаций в политических коммуникациях центральной власти появляются единая точка зрения на исторические события и сознательная переработка текстов в угоду такого рода версий, а также унификация тем исторических сочинений [10, с. 9]. Отдельные исторические события и деятели идеализируются, ход событий «скругляется», повествования снабжаются выводами и нравоучениями [Там же, с. 110].

При этом именно в рассматриваемый период наблюдается поиск и отбор наиболее успешных, полноценно объясняющих действительность политических концепций и мифологем. Сколько-либо структурированная модель объяснения событий и деяний отдельных исторических персонажей формируется только к началу XVII в., а в середине XVI в. удачно сформулированные идеи используются прямо «с колес», зачастую отражая потребность в разрешении и объяснении конкретных частных ситуаций, – например, в качестве ответа царя на вражду с боярами [5, с. 283], необходимость объединительной идеологии для складывающихся в единое государство разрозненных русских земель (так появляется образ «собиратель земель русских», занесенный в Степенную книгу царского родословия) [8, с. 9] и т. д. Публицисты XVI в. – Иосиф Волоцкий, Максим Грек, Феодор Карпов, Ермолай-Еразм, протопоп Сильвестр, Зиновий Оттенский, Иван Пересветов – активно работают над поисками новых политических мифов, выдвигая самые разные идеологемы [13, с. 243].

¹ Подробнее: Филюшкин А. И. «Предтеча пакта Молотова – Риббентропа» (1576 г.) // Две империи – много национальностей : материалы венгерско-российского научного семинара. 2 июня 2007 г. Будапешт, 2007. С. 26–44.

² Подробнее: Грюнбарт М. Сила даров. Идеологический и материальный обмен между константинопольскими патриархами и русскими царями в XVII в. // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. М., 2016. С. 155–170.

Ключевые идеи русских публицистов XVI в. широко известны, остановимся лишь на нескольких важных для рассматриваемой темы особенностях политического дискурса. Во-первых, несмотря на активных сторонников, идея полной идентичности царской власти с божественной не получила большого распространения (скажем, в Московском царстве не стали нормой изображения царя в образе Христа, как в Византии) [26, с. 266]. Забегая вперед, заметим, что таким образом аналогичные представления, явно присутствующие в творчестве Ивана Грозного, не были общественным мейнстримом. Во-вторых, акцент в политической дискуссии явно смещен с обсуждения институциональных характеристик государства на обоснование решающей роли государя в политической системе. В русской публицистике XVI в. государственность, таким образом, напрямую связывается с царем, и такая связь временами принимает совершенно нереальные формы. Так, летописи и официальные документы 1530-х гг. изображают малолетнего царя Ивана, который самостоятельно принимает важнейшие государственные решения [7, с. 18–19]. На личности правителя концентрируются и легенды о происхождении государственности. Любопытное наблюдение: идея преемственности к римлянам в целом является широко распространенной в европейских государствах исследуемого периода, однако если в легендах других стран речь идет о преемственности знати или всего народа, то в русском политическом дискурсе потомками римлян является исключительно правящая династия [1, с. 123].

Словом, публицистическая деятельность Ивана Грозного приходится на время бурного и противоречивого развития русской политической мысли в целом, имеющей ряд явных особенностей и концентрирующейся в основном на обсуждении личности царя.

Особенности мировосприятия Ивана Грозного. Необходимо учитывать при анализе идей, которые технологизирует и продвигает Иван Грозный в своей публицистике и официальных документах, еще один фактор – мировоззрение царя. Нам важно остановиться на тех его свойствах, которые могут характеризовать архетипичность и вариативность политических коммуникаций московского двора, возможность применения устойчивых метафор, с одной стороны, и способность реагировать на изменения политической реальности – с другой.

«Муж чудного разсужения, в науке книжняго почитания доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятель ... воинство велми любляше и требующая им от сокровищ своих неоскудно подаваше. Таков бе царь Иван...», – писал о царе в начале XVII в. князь Иван Катырев-Ростовский [15, с. 164]. На какие конкретные характеристики представления Ивана Грозного о мире и своем месте в нем следует обратить внимание прежде всего?

Во-первых, на глубокую религиозность его сознания. Собственно, значительная часть публицистических произведений царя – это религиозные тексты, в том числе гимны и отдельные песнопения к праздничным певческим циклам, и именно в этих текстах ярко проявляются взгляды Ивана Грозного на место царской власти в мире: он сопоставляет себя с Богом, а окружение – с ангелами и архангелами, фактически перенося небесную

иерархию на земную [Там же, с. 168]. Такая же аналогия обнаруживается и в посланиях царя к Курбскому. Так, в первом послании говорится: «Якоже убо Июда злата ради преда Христа, тако же убо и вы наслаждения ради мира сего православное христианство и насъ, своихъ государей, предали есте, души свои забыв»³. Предательство царя здесь приравнивается к предательству Христа. В духовной грамоте царя, написанной в июне – августе 1572 г., сопоставляется право царя жаловать дары по аналогии с Христом и апостолами: «Да сына же своего Ивана благословляю крест Петра чудотворца, которым чудотворец благословил прародителя нашего, великаго князя Ивана Даниловича, и весь род наш»⁴. Наконец, царь в отдельных текстах прямо упоминает свою религиозность как критически важную особенность. Так, в послании в Кирилло-Белозерский монастырь Грозный пишет: «И мне мнится, окаянному, яко исполу есмь чернец» [17, с. 451] (т. е. монах).

Во-вторых, существенным свойством мировосприятия царя нужно признать его осознание собственного места в исторических процессах государства на сотни лет «в глубину». Иван Грозный показательно кичится своим царским происхождением и значимостью своей персоны. В послании шведскому королю Юхану III в 1573 г. он пишет: «А пишешь к намъ, что отец твой венчаный король, а мати твоя также венчанная королева... а доколе не бываль никто! Уже такъ сказываешься государьской родъ, и ты скажи... какъ деда твоего звали, и где на государстве сидель, и с которыми государи былъ в братстве, и которого ты роду государьского? А намъ допозна ведомо.... Что вы мужичей родъ, а не государьской»⁵. В качестве примера для подражания в создании религиозных текстов он осознанно избирает византийских императоров [15, с. 164]. Дополнительным штрихом к этому свойству царского мировосприятия может служить и тот факт, что Иван Грозный пишет языком, который к его времени устарел примерно на два столетия: в его лексиконе преобладают церковнославянские слова и устаревшие грамматические формы [29, с. 257].

В-третьих, царь, по-видимому, является твердым и искренним приверженцем идеи самодержавной власти государя (прежде всего собственной власти). Эта идея власти находится в плоскости не автократии, а абсолютной и совершенной тирании – т. е. правитель, по мысли царя, может менять по своей воле любые законы, руководствуясь принципом верховенства своей власти даже и над справедливыми законами [25, с. 84]. Можно согласиться с В. О. Ключевским, который утверждает, что в уже упомянутых посланиях Курбскому Иван Грозный развивает одну идею – «это идея самодержавия» [5, с. 278]. Важно, что самодержавие понимается царем не только как власть над государством или социально-экономической стороной жизни населения, государь несет на себе еще и ношу миссионерства, имеет задачу «спасения душ» подданных. Эту мысль в том числе укреплял воспитатель царя Сильвестр, который писал: «Обладаеши от моря до моря, и от рек до

³ Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2001. С. 53

⁴ Цит. по: Духовная грамота царя Ивана Васильевича // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л., 1950. С. 433.

⁵ Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 123.

конец вселенная – твоя и поклонятца тебе все царие земстии и вси языцы поработают тебе»⁶. Отсюда и соответствующее понимание природы власти, которой нужно подчиняться не за страх, а за совесть [2, с. 121].

Целевые установки коммуникативных практик Ивана Грозного.

Итак, публицистика и прочие тексты Ивана Грозного появляются в Русском государстве в период расцвета в нем хоть и специфических, но дискуссий по поводу политического строя и основополагающих мифологем царства. Иван Грозный, с одной стороны, плоть от плоти своего времени, однако он имеет, во-первых, свои специфические установки, а во-вторых, решает за счет технологий коммуникации, стимулирования нужного себе политического дискурса и формирования нового символического языка конкретные внутри- и внешнеполитические задачи. В этом смысле он, конечно, первый политический технолог среди представителей верховной власти Русского государства, умело использующий публичные коммуникации для достижения необходимых результатов. Иван Грозный, конечно, не романтик, который выдвигает те или иные идеи и концепты по велению сердца или сиюминутных порывов, а прагматик, применяющий известные технологии коммуникаций для решения тех или иных задач.

Первая задача, решение которой явно прослеживается в коммуникативных практиках правительства Ивана Грозного и его собственных, – это закрепление идеи самодержавной власти московского царя в публичном пространстве, достижение общественного консенсуса внутри и за пределами Русского государства по поводу этой проблемы. «А о безбожныхъ языцехъ, что и глаголити! Понеже те все царствии своими не владеють: какъ им повелять работные ихъ, тако и владеють. А Российское самодержавство изначала сами владеють своими государствы, а не бояре и велможи!»⁷ – пишет царь А. Курбскому в первом послании в 1564 г. Власть московского царя рассматривается и пропагандируется, по всей видимости, в двух категориях – по праву носителя верховной власти и по праву наследственного владения, вотчины⁸. Актуальность этой задачи в данный период сложно переоценить, учитывая, что, по существу, именно с середины XVI в. Москва активно занимается сплочением разношерстных региональных элит и обоснованием своего права «царством слыть» за рубежом.

В силу последнего обстоятельства еще одна целевая аудитория царя для целей продвижения этой идеологии – зарубежные правители. Грозный демонстрирует свое самодержавие напоказ, стимулирует представления о себе как о жестоком монархе, милующем и жалующем по собственному усмотрению. Так, Антонио Поссевино, бывший в Москве в 1583 г., описывает сцену встречи с царем, на которой папский посол рассказывает Ивану Грозному о том, что его считают в Европе «немного жестоким» (в оригинале: *vi hanno per un poco crudele*). На что царь отвечает: «Это правда, но я таковым бываю для злодеев, а не для добрых»⁹. В послании избранному королю Речи Посполитой Стефану Баторию московский царь подчеркивает, что

⁶ Цит. по: Флоря Б. Иван Грозный. М., 2009. С. 115

⁷ Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 26.

⁸ Цит. по: Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 135.

⁹ Цит. по: Шмурло Е. Известия Джигонни Тедалди о России времен Ивана Грозного. СПб., 1891. С. 18

он государь «по Божьему изволению», а не «по многоятежному человеческому хотению»¹⁰. Аналогичное право признают за Грозным (конечно, напояк) и региональные элиты присоединяемого в тот момент к Московскому царству Приволжья. Так, в 1552 г. мурза Ногайской орды Арслан б. Хаджи-Муххамед пишет Грозному: «Великого Цингиз царев прямой род счастливой государь еси... Похощ пожаловати – пожалуешь, а не похощ пожаловати – не пожалуешь»¹¹. Оставим в стороне ссылку на прямое родство с Чингисханом (это тема для отдельной дискуссии [27]) и отметим все то же свойство «самодержавия» – зависимость решений исключительно от воли царя.

Важно, что, решая эту задачу, Иван Грозный идет против трендов своего времени, особенно в Западной Европе. В этом смысле он сознательно приносит в жертву архетипичности вариативность транслируемых политических метафор. В Европе того же периода уже обсуждается идея народного суверенитета [24, с. 20], повышение роли бюрократии и деперсонализация властных функций [7, с. 233], а также усиление элит на фоне развития частной инициативы в хозяйственной жизни [6, с. 221]. По меткому выражению В. О. Ключевского, новая московская элита смотрела на царя «как смотрят разорившиеся капиталисты на сыновей счастливой богача, к которому перешли их отцовские капиталы и к которому они сами должны пойти в приказчики» [5, с. 220] и, конечно, породила специфику формирования «общественного языка», мало участвуя в его складывании.

Даже на уровне символов (вспомним, что специфика средневековой политической коммуникации – использование языка символов и ритуалов в условиях массовой безграмотности населения) подчеркивается, что царь самодержавен и ничем не обязан элите. Например, церемония коронации в Москве не предполагает в этот период никакой присяги царя, тогда как в той же Польше первая фаза коронации – именно присяга (как факт принятия на себя взаимных обязательств королем и элитами), а уже после – миропомазание и передача знаков королевской власти [1, с. 105, 116]. То есть здесь мы видим пример, как мировосприятие и коммуникативные практики царя затормозили складывание государства раннего Нового времени (*modern state*) в Московском царстве.

Вторая задача коммуникативных практик Ивана Грозного – выработка объединяющей «национальной идеи» для сплочения формирующегося единого государства. Такой идеей в представлении Ивана Грозного, по всей вероятности, была концепция «православного царства» (учитывая, что в рассматриваемый период понятие «русский» идентично понятию «православный», речь идет именно о надэтнической идеологеме).

То, что власть царя воспринимается Иваном Грозным как производная от власти Бога (царь – наместник Бога на земле, а не европейский «главный феодал» [22, с. 163]), – общепринятый сегодня факт. Эти идеи приводились выше, они присутствуют в уже упоминаемом Домострое («несть бо власть, аще не от Бога» – практически это копия Послания к Римлянам апостола

¹⁰ Цит. по: Данилов А. Г. Новые явления в организации власти в России в период Смуты // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 78.

¹¹ Цит. по: Трепавлов В. В. История и историческое время в представлениях позднесредневековых кочевников Евразии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 202.

Павла) и постепенно дополняются некоторыми штрихами и отдельными аспектами. Так, в Степенной книге развивается идея аналогий русской истории с эпизодами Священного Писания: междоусобица князей Киевской Руси приравнивается к конфликту Каина и Авеля, семья Владимира называется семенем «Нового Израиля» и прочее [Там же, с. 165]. Даже сыноубийство входит в эти каноны как самоценность – по аналогии с жертвой Христа. «Вспомяни же и в царех великого Константина: како царствия ради, сына своего рожденного от себе, убил есть»¹², – пишет Грозный Курбскому.

Однако представляется необходимым сделать следующий шаг и предположить, что Грозный так активно говорит и пишет о «божественном» происхождении царской власти и так активно использует соответствующие аналогии не только в силу собственных убеждений, но и в качестве решения задачи идеологического оформления консолидирующегося Русского государства.

Задача консолидации Русского государства в общем не была тривиальной, особенно в связи с тем, что в рассматриваемый период это был складывающийся политический организм, переваривающий присоединение образований с разной историей и ценностными установками (например, татарские государства Поволжья и Новгородская республика). На целом ряде примеров видно, что до Грозного задачу подчинения присоединенных территорий и их гармоничной интеграции в русское государственное пространство решали просто: новые территории должны были подчиняться Москве по «праву меча». Характерный пример – послания от имени царя. В 1538 г. в Крымское ханство послание от имени царя (естественно, вряд ли сформулированное им самим) содержит следующую версию присоединения Казани: «... который государь придет ратью да возмет которово государя, да его сведет, а землю его даст кому всочет, не тово ли земля будет, хто ее взял». А уже в 1568 г., когда царь точно мог проявить субъектность в формировании транслируемых идей, объяснение интеграции Казани уже совершенно иное: «И Божиим милосердием те есмя юрты Казанской и Азстороханской устроили, как им от нас неподвижным быти, а не для того, что мусулманского роду веру изводя: которые нам измены делали, – над теми для их неправды потому и ссталось, а которые мусулманы нам правдою служат, – и мы по их правде их жалует великим жалованием, а от веры их не отводим» [12, с. 289, 291]. Итак, за малолетнего Ивана Грозного формулируется версия о необходимости интеграции Казани в Русское государство по «праву меча», а он сам через 30 лет выдвигает версию миссионерства, великодушного, а не «крестоносного» христианского присоединения новых земель.

Эту мысль развивает и идея «всенародного моления», которая активно транслируется в упомянутых религиозных текстах царя. В этих произведениях Грозный особо упоминает молящихся вельмож, воинов и других приближенных к престолу – по аналогии с ангелами и архангелами [15, с. 166]. Представляется, что эта утопическая картина вполне решает задачу консолидации государства под идеологему «православной монархии» – и тогда апелляция к аналогиям с небесным воинством, царя с Христом и другие понятные

¹² Цит. по: Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 145.

как для Новгорода, так и для Казани элементы насаждения символической власти становятся объяснимыми в рамках единого концептуального подхода.

Третья задача коммуникативных практик царя – внешнеполитическая, связанная с легитимизацией его претензий на царское достоинство и обоснованием преемственности русской династии римским императорам – вплоть до прямого родства с императором Августом. Эта задача в некотором смысле была проще, чем две предыдущие, поскольку даже к середине XVI в. у иностранных (прежде всего европейских) правителей было критически мало сколько-либо достоверной эмпирической информации о Московском царстве. Так, еще в 1488 г. посол Поппель поведал Ивану III, как в Нюрнберге он рассказывал германскому императору о Московии: «Иж царь Римский великий и иные княжата немецкая дивилися о таковой возможности и мудрости твоей и о величестве земли твоей, что дръжишь ты, что они пръвее того не ведали»¹³. Фактически только к концу XV в. в русско-габсбургских отношениях намечается первый этап, когда Московское государство утверждается как новое явление в европейской политической реальности [18, с. 36; 19]. А еще в середине XVI в. английский путешественник Ричард Ченслер описывает путешествие по северным морям, прибытие в 1533 г. на русский берег Белого моря и ситуацию, когда «люди узнали, что эта страна называется Россией или Московией, и что Иван Васильевич правил далеко простиравшимися вглубь землями»¹⁴.

Поэтому в продвижении идеи «русский царь – самый европейский правитель» можно было использовать средства и аргументы, имеющие самое отдаленное отношение к действительности. Политический миф о преемственности власти московских князей от византийских императоров мы находим еще в «Сказании о великих князьях владимирских», созданном в первой четверти XVI в., в тот же период появляется ряд текстов, обосновывающих прямое родство Рюриковичей с римскими императорами через Пруса, родственника Цезаря Августа [22, с. 165]. Однако именно Иван Грозный в своих текстах, устной коммуникации и официальных документах выводит эту работу на системный уровень.

Первое направление работы – перманентное повторение этой версии в процессе взаимодействия с иностранными послами. Так, Джильс Флетчер в конце 1580-х гг. упоминает, что «Иван Васильевич часто гордился, что предки его не русские»¹⁵. В общении с папским послом Антонио Поссевино этот тезис усиливается через употребление общих понятных обеим сторонам символов – в данном случае «креста Константина»: «... а что нас укоряет, что мы пишемся «носители креста Христова», – ион ещо первому благочестии царю Константину сам создатель, господь наш Иисус Христос, первое явление в полудни явил»¹⁶. И второе важное направление – закрепление этой мифологемы в официальных документах и летописях. Упоминание о

¹³ Цит. по: Филюшкин А. И. «Предтеча пакта Молотова – Риббентропа» (1576 г.). С. 26-44.

¹⁴ Цит. по: Россия XVI века. Воспоминания иностранцев / [пер. с англ. Н. Белозерской, Ю. Готье ; пер. с нем. И. Анонимова, И. Полосина]. Смоленск, 2003. С. 201.

¹⁵ Цит. по: Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003, С. 29

¹⁶ Цит. по: Бычкова М. Е. Регалии власти московских государей и формирование идеи государственной власти // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 146

преимущества римским и византийским императорам содержится в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича»: «Благословляем же его животворящим крестомъ, которои прислан из Царягорода от царя Константина Манамаха великому князю Володимеру Монамаху»¹⁷ (история о том, как Василий III благословлял своего сына Ивана на царство). Канонический вид эта же версия приобретает в Степенной книге царского родословия: «Жезлом же прообрази в Руси самодержавное царское скипетроправление, иже начася от Рюрика...Иже бь от племени Прусова... Прус же брат бысть единачальствующаго на земли римскаго кесаря Августа, при нем же бысть неизреченное на земли рождество Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа»¹⁸.

Зачем Иван Грозный так активно продвигает эту версию, используя значительное количество технологий и каналов политических коммуникаций? Это необходимо ему в том числе в силу наличия мощной оппозиции Русскому государству в Европе, прежде всего со стороны Польши и Литвы, претендующих на роль еще одного центра объединения русских земель. Так, если к 1580-м гг. большинство европейских правителей признало право Ивана Грозного называться царем, то литовцы даже в Ям-Запольском мирном договоре именуют русского правителя «великим князем», а саму страну – не «Русским государством», а «Московией» [23, с. 95]. Стефан Батория прямо пишет Ивану Грозному о необоснованности претензий на римское преемство: «Ты, который кровь свою с ними помешал, которого предки ... кобылье молоко, что укануло на чревы татарских шкап лизали» [20, с. 115]. Иван Грозный также знает, что в его версию о происхождении Рюриковичей от Августа не очень-то верили. В послании тому же Баторию в 1579 г. он пишет: «И ты по тому ли нам великъ хочешь быти, что нас отчитаешь от Августа кесаря? И ты по тому разсуди свое отечество, а нашу низость. Нам всемогий Богъ благоворил во всем роду!»¹⁹.

Таким образом, цели политической коммуникации Ивана Грозного концентрируются вокруг вопросов легитимизации собственной власти, поиска цементирующей идеологической основы для складывающегося общероссийского государства, а также решения внешнеполитических задач укрепления статуса и значения Русского государства за рубежом.

Заключение. Став царем в один из ключевых периодов истории Русского государства, Иван Грозный существенно повлиял на его развитие. Одним из главных инструментов влияния на достижение внутри- и внешнеполитических целей стали коммуникационные практики, реализуемые царем как лично, так и через московских чиновников. По существу, Иван Грозный стал первым московским правителем, который активно и системно начал использовать актуальные для своего времени технологии публичных политических коммуникаций для реализации собственных прагматических планов и формирования необходимых «прагматических ситуаций». Впервые для этой цели используются не только тексты, на которые государь влияет

¹⁷ Цит. по: Полное собрание русских летописей. В 41 т. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965. С. 9.

¹⁸ Цит. по: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 326.

¹⁹ Там же. С. 166.

опосредованно (например, летописи), но и документы личного происхождения, созданные непосредственно царем. Грозный выступает как публицист, обличитель, автор «открытых писем» и религиозных песнопений, активно коммуницирует с западными и восточными посланниками, которые доносят нужную царю интерпретацию социальной реальности своим правителям, наставляет собственных послов и т. д.

Эта деятельность царя приходится на период расцвета русской политической публицистики. Десятки религиозных и светских авторов выдвигают свои гипотезы и мифологемы строительства русской государственности, легитимизации верховной власти и создания единого символического языка для «ядра» царства и присоединяемых территорий. Обладая специфическим, мистическим мировосприятием, Иван Грозный, по всей видимости, искренне расценивает свою деятельность как миссионерскую, однако в своих коммуникационных практиках руководствуется прагматическими соображениями. По крайней мере, значительную часть идеологем и мифов, которые он выдвигает в актах публичной политической коммуникации, можно свести к решению прагматических задач внутренней и внешней политики: легитимизации власти, развития равных отношений с европейскими державами, создания единого символического языка для складывающегося Русского государства и пр.

Необходимо признать, что эта деятельность в целом была эффективной. «Уже при жизни царя начинается мифологизация его образа и деяний. Наблюдается переплетение светского и религиозного начал», – утверждает исследователь деятельности Ивана Грозного Н. Н. Мутья [14, с. 125]. Представляется, что складывание именно такого образа и добивался Грозный.

Список литературы

1. *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М. : ИЦ ИРИ, 1996. 173 с.
2. *Васильев А. А.* Концепция православной монархии Ивана IV Грозного: монография. Барнаул : Новый формат, 2016. 208 с.
3. *Грачев М. Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М. : Прометей, 2004. 328 с.
4. *Гринин Л. Е.* Государство и исторический процесс: эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М. : КомКнига, 2007. 368 с.
5. *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси // О государственности в России. М. : Мысль, 2003. С. 3–448.
6. *Котляров Н.* Средневековый тип государственности и его русская модель XIV–XVI вв. // Сословия и государственная власть в России, XV – середина XIX вв.: тез. докл. Междунар. конф. «Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина», 13–16 июня 1994 г. Ч. 1. М., 1994. С. 213–222.
7. *Кром М. М.* Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30-40-х гг. XVI в. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.
8. *Кром М. М.* Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
9. *Кузнецова Л. В.* Прагматическая ситуация принятия решения в политической коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2016. 24 с.
10. *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М. : Наука, 2006. 202 с.

11. *Лурье Я. С.* Первое послание Ивана Грозного Курбскому (вопросы истории текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 31. Ленинград : Наука, 1976. С. 202–234.
12. *Моисеев М. В.* Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 283–303. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303>
13. *Морозова Л. Е.* Иван Грозный и публицисты XVI века о пределах и характере царской власти // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М. : РАН, 1995. С. 236–251.
14. *Мутья Н. Н.* Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб. : Алетейя, 2010. 496 с.
15. *Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В.* Образ высшей власти и Московии в музыкально-гимнографическом творчестве царя Ивана IV Грозного // Вопросы истории. 2017. № 8. С. 164–168.
16. *Паулов С. В.* Политическая коммуникация как способ формирования социальных связей : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2009. 17 с.
17. *Перевезенцев С. В.* Российское царство во второй половине XVI // История России в 4 т. Т. 1: Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVI в.). М., 2018. С. 429–681.
18. *Пицкова Д.* Империя Габсбургов и Московское государство: установление дипломатических отношений между московскими великими князьями и германскими императорами // Вестник. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 8: История. С. 28–40.
19. *Пролубников А. В.* Идеи монархической государственности. М. : Мысль, 2002. 224 с.
20. *Трепавлов В. В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVII вв. СПб. : Изд-во Олега Обышко, 2017. 320 с.
21. *Филюшкин А. И.* Отражение южной и восточной политики Русского государства в XVI веке в переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского // Проблемы истории Центрального Черноморья : сб. ст. Воронеж : Изд-во Воронеж.-Липец. епархии, 2000. С. 71–80.
22. *Филюшкин А. И.* Понятие «царство» в Средневековой Руси // Воронежская беседа на 1999–2000 годы. Воронеж : Изд-во Воронежской епархии, 1999. С. 161–177.
23. *Филюшкин А. И.* Титул московских государей и проблемы культурно-цивилизационного выбора стран Восточной Европы в период средневековья // Средневековая Европа. История и историография. Вып. 1. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. С. 90–100.
24. *Хачатурян Н. А.* Авторитарный и коллективный принципы в эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М. : ИВИ РАН, 1992. С. 14–23.
25. *Хвостова К. В.* Понятие свободы в рамках византийской политико-правовой доктрины // Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М. : ИВИ РАН, 1992. С. 78–88.
26. *Чернецов А. В.* Представление русских книжников XVI века о власти русских князей и византийских императоров // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М. : Изд-во РАН, 1995. С. 266–271.
27. *Чернышов С. А.* Иван Грозный – потомок Чингиз-хана или Августа: легитимизация верховной власти Московского царства в коммуникационных практиках XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 159–174. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-1.159-174>
28. *Чувашов Л. А.* Феномен государственной власти в контексте социальной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2012. 29 с.
29. *Шмидт С. О.* Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 256–265
30. *Шомова С. А.* Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы. М. : Изд-во ИНИОН, 2004. 246 с.

Ivan the Terrible – the First Publicist and Political Strategist on the Moscow Throne

S. A. Chernyshov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the communication practices of the central government during the reign of Ivan the Terrible through the prism of the methodology of the “pragmatic situation” and relevant ideas about the technologies of political communication. The author has analyzed the socio-political context, the worldview of Ivan the Terrible as a publicist, the dynamics of political thought in the Russian state during the period under consideration. It is concluded that the central government, using public communication technologies, was able to realize a number of pragmatic political objectives related to the legitimization of Russian statehood and the development of a common symbolic language in the context of forming a unified political system.

Keywords: Ivan the Terrible, Russian state, Moscow kingdom, political communications, diplomatic correspondence, journalism.

For citation: Chernyshov S.A. Ivan the Terrible – the First Publicist and Political Strategist on the Moscow Throne. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 33, pp. 34-49. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.33.34> (in Russian)

References

1. Bychkova M.Ye. *Russkoye gosudarstvo i Velikoye knyazhestvo Litovskoye s kontsa XV do 1569 g. Opyt sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya politicheskogo stroya* [The Russian state and the Grand Duchy of Lithuania from the end of the 15th to 1569. The experience of a comparative historical study of the political system]. Moscow, 1996, 173 p. (in Russian)
2. Vasil'yev A.A. *Kontseptsiya pravoslavnoy monarkhii Ivana IV Groznogo* [The concept of the Orthodox monarchy of Ivan IV the Terrible]. Barnaul, Novyy format Publ., 2016, 208 p. (in Russian)
3. Grachev M.N. *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskiye kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political communication: theoretical concepts, models, development vectors]. Moscow, Prometey Publ., 2004, 328 p. (in Russian)
4. Grinin L.Ye. *Gosudarstvo i istoricheskyy protsess. Evolyutsiya gosudarstvennosti: ot rannego gosudarstva k zrelomu* [State and historical process. The evolution of statehood: from an early state to a mature one]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 368 p. (in Russian)
5. Klyuchevskiy V.O. *Boyarskaya дума drevney Rusi* [Boyar Duma of ancient Russia]. *O gosudarstvennosti v Rossii* [On statehood in Russia], Moscow, Mysl' Publ., 2003, pp. 3-448. (in Russian)
6. Kotlyarov N. *Srednevekovyy tip gosudarstvennosti i yego russkaya model XIV-XVI vv.* [The medieval type of statehood and its Russian model of the XIV-XVI centuries]. *Sosloviya i gosudarstvennaya vlast v Rossii, XV – seredina XIX vv.* [Estates and state power in Russia, XV-mid-XIX centuries: thesis. Doc. Intern. conf. “Reading memory acad. L.V. Cherepnina”, June 13-16, 1994], is. 1, Moscow, 1994, pp. 213-222. (in Russian)
7. Krom M.M. *Vdovstvuyushcheye tsarstvo: Politicheskyy krizis v Rossii 30-40-kh gg. XVI v.* [The Dowager Kingdom: The Political Crisis in Russia of the 30s and 40s XVI century]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2010, 888 p. (in Russian)
8. Krom M.M. *Rozhdeniye gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV-XVI vekov* [Birth of the state: Moscow Russia of the XV-XVI centuries], Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018, 256 p. (in Russian)
9. Kuznetsova L.V. *Pragmaticheskaya situatsiya prinyatiya resheniya v politicheskoy kommunikatsii* [The pragmatic situation of decision making in political communication. Cand. sci. diss. abstr.], Krasnoyarsk, 2016, 24 p. (in Russian)

10. Likhachev D.S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 202 p. (in Russian)
11. Lur'ye YA.S. Pervoye poslaniye Ivana Groznogo Kurbskomu (voprosy istorii teksta) [The first message of Ivan the Terrible to Kurbsky (questions of the history of the text)]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature], vol. 31, Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 202-234. (in Russian)
12. Moiseyev M.V. Istoricheskiye primery v poslaniyakh Ivana IV v Krymskoye khanstvo i Nogayskuyu Ordu [Historical examples in the letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde]. *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde Review], 2018, vol. 6, is. 2, pp. 283–303, <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303> (in Russian)
13. Morozova L.Ye. Ivan Groznyy i publitsisty XVI veka o predelakh i kharaktere tsarskoy vlasti [Ivan the Terrible and publicists of the 16th century on the extent and nature of tsarist power]. *Rimsko-konstantinopol'skoye naslediyе na Rusi: ideya vlasti i politicheskaya praktika* [Roman-Constantinople Heritage in Russia: the idea of power and political practice], Moscow, RAN Publ., 1995, pp. 236-251. (in Russian)
14. Mut'ya N.N. *Ivan Groznyy: istorizm i lichnost pravatelya v otechestvennom iskusstve XIX–XX vv.* [Ivan the Terrible: historicism and the personality of the ruler in Russian art of the XIX–XX centuries]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2010, 496 p. (in Russian)
15. Parfent'yev N.P., Parfent'yeva N.V. Obraz vysshey vlasti i Moskovii v muzykal'no-gimnograficheskom tvorchestve tsarya Ivana IV Groznogo [Parfentieva N.V. The image of the supreme power and Muscovy in the musical-hymnographic work of Tsar Ivan IV the Terrible]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2017, is. 8, pp.164-168. (in Russian)
16. Paulov S.V. *Politicheskaya kommunikatsiya kak sposob formirovaniya sotsial'nykh svyazey* [Political communication as a way of forming social ties: abstract of thesis. Cand. sci. diss. abstr.], St. Petersburg, 2009, 17 p. (in Russian)
17. Perevezentsev S.V. Rossiyskoye tsarstvo vo vtoroy polovine XVI [The Russian kingdom in the second half of the XVI]. *Istoriya Rossii v 4 vols. Vol. 1: Genezis i evolyutsiya russkoy gosudarstvennosti (do kontsa XVI v)* [History of Russia in 4 vols. Vol. 1: Genesis and evolution of Russian statehood (until the end of the XVI century)], Moscow, 2018, pp. 429-681. (in Russian)
18. Pitskova D. Imperiya Gabsburgov i Moskovskoye gosudarstvo: ustanovleniye diplomaticheskikh otnosheniy mezhdru moskovskimi velikimi knyaz'yami i germanskimi imperatorami [The Habsburg Empire and the Moscow State: Establishment of Diplomatic Relations between the Moscow Grand Dukes and German Emperors]. *Vestnik. NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2017. vol. 16, is. 8: Istoriya. pp. 28–40. (in Russian)
19. Prolubnikov A.V. *Idei monarkhicheskoy gosudarstvennosti* [The ideas of monarchist statehood], Moscow, Mysl Publ., 2002, 224 p. (in Russian)
20. Trepavlov V.V. “Belyy tsar” Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVII vv. [“White Tsar” The image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia XV–XVII centuries]. St. Petersburg, Olega Obyshko Publ., 2017, 320 p. (in Russian)
21. Filyushkin A.I. Otrazheniye yuzhnoy i vostochnoy politiki Russkogo gosudarstva v XVI veke v perepiske Ivana Groznogo i Andreyа Kurbskogo [Reflection of the southern and eastern policies of the Russian state in the 16th century in the correspondence of Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky]. *Problemy istorii Tsentralnogo Chernomoriya. Sb. Stat* [Problems of the history of the Central Black Sea]. Voronezh, Voronezhsko-Lipetskoy yeparkhii Publ., 2000, pp. 71–80. (in Russian)
22. Filyushkin A.I. Ponyatiye “tsarstvo” v Srednevekovoy Rusi [The concept of "kingdom" in medieval Russia]. *Voronezhskaya beseda na 1999–2000 gody* [Voronezh conversation for 1999–2000]. Voronezh, Voronezhskoy yeparkhii Publ., 1999, pp. 161-177. (in Russian)
23. Filyushkin A.I. Titul moskovskikh gosudarey i problemy kulturno-tsivilizatsionnogo vybora stran Vostochnoy Yevropy v period srednevekov'ya [The title of Moscow sovereigns and the problems of cultural and civilizational choice of the countries of Eastern Europe during the Middle Ages]. *Srednevekovaya Yevropa. Istoriya i istoriografiya. Vypusk 1* [Medieval Eu-

rope. History and historiography. Issue 1]. Voronezh, Voronezh State Univ. Publ., 1997, pp. 90-100. (in Russian)

24. Khachatryan N.A. *Avtoritarnyy i kollektivnyy printsipy v evolyutsii srednevekovoy gosudarstvennosti* [Authoritarian and collective principles in the evolution of medieval statehood]. *Vlast i politicheskaya kul'tura v srednevekovoy Yevrope. Part 1* [Power and political culture in medieval Europe. Part 1]. Moscow, IVI RAN Publ., 1992, pp. 14-23. (in Russian)

25. Khvostova K.V. Ponyatiye svobody v ramkakh vizantiyskoy politiko-pravovoy doktriny [The concept of freedom in the framework of the Byzantine political and legal doctrine]. *Vlast i politicheskaya kul'tura v srednevekovoy Yevrope. Part 1* [Power and political culture in medieval Europe. Part 1]. Moscow, IVI RAN Publ., 1992, pp. 78-88. (in Russian)

26. Chernetsov A.V. Predstavleniye russkikh knizhnikov XVI veka o vlasti russkikh knyazey i vizantiyskikh imperatorov [Representation of Russian scribes of the 16th century on the power of Russian princes and Byzantine emperors]. *Rimsko-konstantinopol'skoye naslediyе na Rusi: ideya vlasti i politicheskaya praktika* [Roman-Constantinople heritage in Russia: the idea of power and political practice]. Moscow, RAN Publ., 1995, pp. 266-271. (in Russian)

27. Chernyshov S.A. Ivan Groznyy – potomok Chingiz-khana ili Avgusta: legitimizatsiya verkhovnoy vlasti Moskovskogo tsarstva v kommunikatsionnykh praktikakh XV–XVI vv. [Ivan the Terrible – a descendant of Genghis Khan or Augustus: the legitimization of the supreme power of the Moscow kingdom in communication practices of the XV–XVI centuries]. *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde Review], 2019, vol. 7, is. 1, pp. 159-174. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-1.159-174> (in Russian)

28. Chuvashov L.A. *Fenomen gosudarstvennoy vlasti v kontekste sotsial'noy kommunikatsii* [The phenomenon of state power in the context of social communication. Cand. sci. diss. abstr.]. Chelyabinsk, 2012, 29 p. (in Russian)

29. Shmidt S.O. Zametki o yazyke poslaniy Ivana Groznogo [Notes on the language of the letters of Ivan the Terrible]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 14. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958, pp. 256-265. (in Russian)

30. Shomova S.A. *Politicheskaya kommunikatsiya: sotsiokul'turnyye tendentsii i mekhanizmy* [Political communication: sociocultural trends and mechanisms]. Moscow, INION Publ., 2004, 246 p. (in Russian)

Чернышов Сергей Андреевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
лаборатория социально-антропологических
исследований, факультет исторических
и политических наук

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050, г. Томск,
ул. Ленина, 36
e-mail: 1502911@mail.ru

Chernyshov Sergey Andreevich

Candidate of Sciences (History),
Senior Researcher, Laboratory of Social and
Anthropological Studies, Faculty
of Historical and Political Sciences,
National Research Tomsk State University
36, Lenin st., Tomsk, 634050, Russian
Federation
e-mail: 1502911@mail.ru